

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ АН СССР

В 1951 — начале 1952 г. в Институте этнографии защитили кандидатские диссертации 6 молодых ученых — представителей тех народов, которые до Великой Октябрьской социалистической революции, находясь в условиях тяжелого классового и национального гнета, отстали в своем развитии, прозябая в темноте и невежестве. Советский строй, ленинско-сталинская национальная политика партии открыли этим народам светлый путь к знанию, обеспечили неисчерпаемые возможности всестороннего развития их творческих сил. С каждым годом растет число научных работников всех областей знания, вышедших из народных масс многочисленных наций, народностей и этнографических групп нашей великой Родины. Многие из них стоят в передовых рядах ученых нашей страны, являются крупными представителями советской науки. С каждым годом растет число молодых ученых, получающих научную подготовку в высших учебных заведениях в Академии Наук СССР или в Академиях наук союзных республик. Институт этнографии АН СССР — центр этнографической науки нашей страны — оказывает большую помощь в подготовке научных кадров для национальных республик. Ежегодно в аспирантуру Института направляются из этих республик будущие молодые ученые. Из общего числа 41 аспирантов, имевшихся в Институте к началу 1952 г., 23 человека командировано союзными и автономными республиками. В 1951 г. 5 человек успешно закончили аспирантскую подготовку. В июне защитил кандидатскую диссертацию алтаец П. Г. Тадыев¹, в ноябре — осетин Б. А. Калоев, в декабре — абхазка Л. Х. Акаба, таджик Н. Нурджанов, татарка Б. Х. Кармышева, в апреле 1952 — командированный Киргизским филиалом АН СССР Г. Г. Нуров. В 1952 г. заканчивают аспирантуру и должны защитить диссертации даргинец А. Алиев², кумычка С. Гаджиева, казах Г. Валиханов, туркмен К. Овезбердыев.

Б. А. Калоев 27 ноября 1951 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Моздокские осетины». Диссертация представляет собой обширное (около 19 авт. лист.) историко-этнографическое исследование этой своеобразной группы осетинского народа, в XVIII в. переселившейся на Моздокскую равнину из нагорной полосы Осетии. В отличие от коренных осетин, издавна привлекавших внимание исследователей, моздокские осетины оставались совершенно неизученной группой осетинского народа, и защищенная Б. А. Калоевым диссертация явилась первой специально им посвященной работой. Основным источником при ее написании послужили полевые материалы, собранные автором во время его экспедиционных поездок в 1948—1950 гг., дополненные большим количеством архивных материалов, хранящихся в центральных и местных архивах. Официальные оппоненты — доктор историч. наук В. К. Никольский и кандидат историч. наук Б. А. Гарданов весьма положительно оценили представленную диссертацию. «Комплексное историко-этнографическое описание отдельных этнографических групп, составных частей того или иного народа, — сказал Б. А. Гарданов, — безусловно имеет важное значение для этнографической науки, как бы количественно мала ни была данная группа. Появление каждой новой работы, по характеру и профилю аналогичной диссертации Б. А. Калоева, не только углубляет и конкретизирует наши знания по этнографии данного народа, но, поднимая новый, свежий фактический материал, способствует разрешению ряда общетеоретических вопросов этнографической науки, помогает ее движению вперед... Моздокские осетины, несмотря на свою малочисленность, сыграли довольно видную роль в истории Северного Кавказа, и в частности в истории северных осетин. Большой интерес представляют описанные диссертантом начальные страницы истории моздокских осетин, которые были одними из первых горцев Северного Кавказа, перешедших на сторону России. Связанные всей своей историей с Россией, моздокские осетины в XVIII — начале XIX в. являлись проводниками русского влияния, внося, таким образом, свой вклад в дело сближения народов Кавказа с Россией в тот период». Умело анализируя источники, сказал Б. А. Гарданов далее, диссертант устанавливает районы, откуда происходило переселение осетин на Моздокскую равнину, а также различные этапы этого переселения и различные условия, в которых пришлось жить на новых местах; в результате образовались три подгруппы моздокских осетин — «цайта», «ерашти» и так называемые «веселовцы», — каждая из которых отличается своими этнографическими особенностями. Рассмотрению их посвящены основные главы диссертации, изобилующие фактическим материалом; многие из данных автором описаний не только войдут в качестве важной составной части в этнографию осетин, но и представляют значительный интерес для общей этнографии. Таково, например, обстоятельное описание большой семьи и патронимии, вносящее много нового, еще неизвестного этнографам, хотя осетинская большая семья издавна привлекала внимание исследователей. Диссертант, основываясь на фактическом материале, устанавливает, что большая семья не всегда является показателем архаичности данного общества в целом, но может в силу определенных исторических условий существовать и на

¹ Отчет о защите см. «Советская этнография», 1951, № 4, стр. 218.

² Защита состоялась 26 июня с. г.; отчет о ней см. в следующем номере нашего журнала.

более поздних этапах его развития. Вместе с тем диссертант, четко отграничивая различные этапы развития, показывает, как большая семья моздокских осетин, широко бытовавшая в XIX в., к концу века распадается и в начале следующего столетия становится уже редким явлением, окончательно исчезая в советскую эпоху. Как ценную черту в работе, Б. А. Гарданов подчеркнул то, что диссертант в своих этнографических описаниях четко отделяет прошлое от настоящего, сумев избежать ошибки, свойственной некоторым этнографам, которые, увлекшись старинной, архаизируют быт описываемых ими народов. Важнейшим же достоинством обсуждаемой диссертации является яркое описание хозяйства, культуры и быта моздокских осетин в период после Великой Октябрьской социалистической революции, показ тех огромных изменений, которые произошли в их жизни в условиях советского строя.

Переходя к недочетам работы, оппоненты отметили не совсем удачную ее структуру, недостаточно систематическое изложение и распределение материала по разделам, что привело диссертанта к повторениям и не всегда четкому изложению отдельных глав. Так, например, сказал Б. А. Гарданов, читатель не получает ясной картины исторического прошлого Моздокского района, с которым тесно связана история живущих там осетин; не получает он и представления о том, как изменилась роль моздокских осетин в общей истории осетинского народа в XIX веке, со второй половины которого начинается интенсивный процесс втягивания северных осетин в орбиту российского капитализма; в связи с этим падает и роль моздокских осетин как передовой части осетинского народа, как связующего звена между Россией и основной массой осетин.

Кандидат историч. наук З. А. Никольская в своем выступлении особо отметила достоинства обсуждаемой диссертации как этнографического исследования. Б. А. Калоев, сказала она, убедительно показал, как сохраняются и получают свое дальнейшее развитие лучшие традиции, прогрессивные элементы национальной культуры, как ликвидируются пережитки, тормозящие дальнейшее движение осетинского народа вперед. Удачное решение важных вопросов этнографии объясняется последовательным историзмом работы Калоева, умелым показом того, как различные явления, сохраняя свою прежнюю форму, на новом историческом этапе меняют свое содержание в зависимости от изменения общественно-экономических отношений. Это ярко прослеживается диссертантом, например, в вопросе о «зису» (обычае взаимопомощи у осетин), который в эпоху патриархально-родового строя устраивался в пределах рода и отражал общинный, коллективный характер труда, а в классовом обществе превратился в форму эксплуатации бедноты богатой верхушкой. Б. А. Калоев успешно справился с поставленной перед собой задачей, сумел ярко показать процесс развития исследуемой им группы осетинского народа в ее национальной специфике.

Подводя итоги своим выступлениям, оппоненты указали на ценность представленной Б. А. Калоевым работы, опубликование которой впервые даст возможность широкому кругу читателей ознакомиться с почти двухсотлетней историей и современной жизнью моздокских осетин. Б. А. Калоеву присуждена ученая степень кандидата исторических наук.

25 декабря 1951 г. Л. Х. Акаба защитила диссертацию на тему «Абхазы Очамчирского района (Опыт этнографического исследования культуры и быта колхозников)». Диссертантка поставила перед собой задачу показать на примере одного из основных районов Абхазской АССР, как за годы Советской власти коренным образом изменились хозяйство, материальная культура, общественный и семейный быт абхазского крестьянства, показать его новую, социалистическую по содержанию и национальную по форме культуру и наряду с этим выявить сохраняющиеся еще среди отсталой части абхазских колхозников пережитки старого, мешающие росту их социалистического сознания, наметить пути ликвидации этих пережитков. Как отметили официальные оппоненты — доктор историч. наук Н. Н. Чебоксаров и кандидат историч. наук Е. С. Зевакин, диссертантка успешно справилась с поставленными перед собой задачами, дав яркое описание нового быта и культуры колхозников-абхазов, сопоставленное с тяжелой жизнью абхазского крестьянства в дореволюционном прошлом. Работа Л. Х. Акаба, сказал Н. Н. Чебоксаров, изобилует ценными фактическими данными, еще не имеющимися в этнографической литературе, интересными и яркими материалами, особенно в разделах, посвященных семейному быту. Вместе с тем диссертантка не ограничивается простым описанием наблюдаемых явлений народной жизни абхазов, но стремится дать им определенную оценку с точки зрения интересов социалистического строительства, показать, как преобразуются в советскую эпоху традиционные хозяйственно-культурные навыки абхазов, как отмирают одни из них и продолжают развиваться другие. Е. С. Зевакин указал на то, что обсуждаемая диссертация стоит в ряду развернувшихся широким фронтом во всех республиках нашей страны работ по изучению культуры и быта колхозного крестьянства, что в настоящее время составляет одну из главнейших задач советской этнографии. Работа Л. Х. Акаба является первым шагом в изучении культуры и быта колхозников Абхазии, так как в литературе эта тема еще не освещалась. Диссертантка нашла правильное соотношение исторической и современной части своего исследования; она наглядно и убедительно прослеживает эволюцию отдельных элементов культуры абхазов, для чего совершает необходимые экскурсы в прошлое, исследует основные явления культуры и быта абхазов в их историческом развитии,

выясняя их происхождение, трансформацию в различных социальных условиях, причины их исчезновения или постепенного изживания. Так, например, в диссертации показана изменившаяся роль обычая гостеприимства и взаимопомощи, замена былого родственного начала трудовым сотрудничеством, трансформация обычая усыновления и многое другое. Диссертантка обращается к таким мало изученным вопросам, как идеологическая перестройка колхозников Абхазии, роль в этом таких мощных факторов, как коллективный труд в колхозах, политико-просветительная работа партии, воспитательная роль советского суда и т. д. В работе освещен процесс постепенного изживания противоположности между городом и деревней и былой национальной замкнутости абхазов, прослежено огромное влияние русской культуры на быт и культуру абхазского крестьянства. Несомненно, заключил Е. С. Зевакин, не только историко-познавательное значение обсуждаемой диссертации, в которой этнографы-кавказоведы найдут много нового материала для сравнений, но и ее практическое значение, так как она ориентирована на современные, очередные задачи строительства социалистической культуры абхазов и своими выводами активно поможет ему, указывая на явления, содействующие росту этой культуры, или, наоборот, тормозящие его.

Высокую оценку диссертации содержат и полученные с мест отзывы, в которых отмечается актуальность этой работы и ее большой научный и практический интерес.

Проникновенно прозвучали заключительные слова диссертантки, выразившей огромную благодарность коммунистической партии, Советскому государству, давшим ей возможность стать научным работником, защитить кандидатскую диссертацию, что для абхазской женщины в условиях всякого иного общественного строя могло быть только дерзновенной, неосуществимой мечтой.

Ученым советом Института Л. Х. Акаба присуждена искомая степень.

Н. Нурджанов — первый таджик-этнограф кандидат исторических наук. 28 декабря 1951 г. он защитил диссертацию на тему «Истоки народного театра у таджиков (По материалам Кулябской области)». Диссертация представляет собой обширное исследование, построенное в значительной степени на личных сборах автора, с привлечением всех имеющихся — правда, по данному вопросу весьма скудных и отрывочных — литературных данных. Работа содержит, кроме введения и заключения, четыре основные главы. В первой дается описание народных развлечений дореволюционного Таджикистана, в основном связанных с семейными праздниками и праздниками земледельческого календаря. Во второй главе рассматриваются народные мужские и женские танцы, являющиеся одним из основных и наиболее развитых жанров народного театра таджиков. В третьей главе даются подробное описание и анализ народных театрализованных представлений, выступлений масхарабозов, являвшихся первыми носителями искусства таджикского театра. Четвертая глава посвящена развитию народного творчества в условиях социалистического общества. Автор указывает на тот размах, который приняло народное искусство в Таджикистане после Великой Октябрьской социалистической революции, и на изменение характера народных и семейных праздников, обусловленное социалистическими преобразованиями в экономической и культурной жизни советского Таджикистана. В работе прослеживаются истоки таджикского народного театрального искусства, свидетельствующие о древности и самобытности культуры таджиков, отмечается его демократичность и прогрессивность, особенно ярко выступающие в классово заостренных фарсах масхарабозов, отражавших растущий протест народа против угнетателей-феодалов. Автор подчеркивает далее, что советское таджикское искусство является не только наследником всего лучшего, прогрессивного, что создано таджикским народом в течение веков в области художественного творчества, но и наследником театральной культуры великого русского народа, при непосредственной помощи которого возник современный таджикский профессиональный и самодеятельный театр.

Официальные оппоненты — чл.-корр. АН СССР проф. Е. Э. Бертельс и кандидат филологич. наук А. З. Розенфельд, указав на имеющиеся в диссертации отдельные погрешности, дали ей высокую общую оценку и выразили пожелание об ее опубликовании. Н. Нурджанову присуждена степень кандидата исторических наук.

Защищенная 28 декабря 1951 г. диссертация Б. Х. Кармышевой «Этнографический очерк животноводства у локайцев» представляет собой историко-этнографическое исследование, посвященное хозяйству и быту одной из групп узбекского народа — локайцев, живущих в южном Таджикистане, на территории, до Великой Октябрьской социалистической революции входившей в Гиссарское и Бальджаунское бекства Бухарского эмирата. Компактно расселенная и довольно многочисленная (до 44 тыс. чел.) группа локайцев в настоящее время составляет часть узбекской социалистической нации; в предыдущие же периоды истории локайцы были одним из крупных узбекских племен, участвовавших в формировании узбекской народности. В диссертации значительное место уделено вопросам происхождения, родоплеменного состава и расселения локайцев, даются краткие исторические сведения о них, после чего автор переходит к центральной теме своего исследования — подробному описанию и анализу в историко-этнографическом плане основной отрасли хозяйства локайцев в дореволюционный период — животноводства, преобладающую роль в котором играло специализированное коневодство, наложившее яркий отпечаток на весь быт населения.

Официальными оппонентами в диспуте выступили доктор историч. наук А. Н. Бернштам и кандидат историч. наук Т. А. Жданко. Обсуждая работу, сказала Т. А. Жданко, в той интересной и оригинальной трактовке вопросов хозяйственной жизни локайцев, которую применила диссертантка для раскрытия своей темы, следует отнести к числу трудов, посвященных этнической истории узбеков. Подобных монографий об отдельных узбекских племенах до настоящего времени в этнографической литературе еще не было. Между тем историко-этнографическое изучение отдельных племенных групп является серьезной задачей, без разрешения которой невозможно конкретно выяснить не только процесс сложения узбекской народности и дальнейшего развития ее в условиях советского строя в узбекскую социалистическую нацию, но и восстановить историю развития хозяйственной жизни и специфических национальных черт материальной и духовной культуры узбеков. Диссертантка умело связала этнографический материал, касающийся главным образом хозяйственной деятельности изучаемой ею этнической группы, с вопросами этногенеза; самое хозяйство исследуется в диссертации с историко-этнографическими позициями, что выгодно отличает ее от ряда появившихся за последние годы работ, посвященных быту и культуре колхозного крестьянства, в которых этнографическое изучение хозяйства не нашло еще должного места. Вместе с тем исследование Б. Х. Кармышевой имеет не только познавательное историко-этнографическое, но и практическое народно-хозяйственное значение. Вопрос о генезисе локайской лошади, как и гиссарской овцы, тесно связывается диссертанткой с вопросом о времени поселения в Гиссаре и Бальджуане локайцев и карлуков. Исследуя вопрос о развитии форм хозяйственной жизни локайцев, диссертантка устанавливает три периода: первый (до подчинения локайцев эмирской Бухаре) — кочевое скотоводство; второй (нахождение их в составе Бухары) — развитие наряду со скотоводством богарного земледелия; третий — советский период, характеризующийся гармонично развивающимся комплексным хозяйством, сочетающим высокодоходное хлопководство, отгонное животноводство и другие отрасли. В заключение диссертантка дает яркую картину социалистических преобразований в хозяйстве и быте локайцев, утративших былую племенную замкнутость, изживших враждебность к таджикам, дружно работая в смешанных по национальному составу колхозах.

А. Н. Бернштам остановился в основном на исторической части исследования и поставил перед диссертанткой ряд вопросов, касающихся ее заключений о родоплеменной принадлежности локайцев и времени их формирования, так как темы эти, по его мнению, диссертанткой недостаточно четко освещены. Оба оппонента признали большую ценность работы, являющейся по существу первой этнографической монографией о локайцах и вполне заслуживающей издания. Аналогичную оценку диссертации содержит и отзыв на нее неофициального оппонента, кандидата историч. наук А. К. Писарчик. Б. Х. Кармышевой присуждена искомая степень.

Г. Г. Нуров 1 апреля 1952 г. защитил диссертацию на тему «Киргизская народная медицина». Официальными оппонентами выступили: доктор медицинских наук проф. В. В. Гинзбург, доктор историч. наук А. Ф. Анисимов и кандидат историч. наук К. Л. Задыхина. По отзывам оппонентов, обсуждаемая работа является одним из первых исследований по данному вопросу и представляет несомненную ценность. Автор ее собрал значительный полевой материал более чем от 90 информаторов, использовал музейные экспонаты, архивные материалы и большое количество литературы не только по киргизам, но и по другим народам. Разработка собранного материала позволила автору достаточно полно охватить различные стороны народной медицины киргизов и дать развернутую картину приемов и способов народного врачевания, бытовавшего у них в конце XIX — начале XX в. Эти приемы и способы диссертант делит на две группы — эмпирического и религиозно-магического «врачевания». Он убедительно показал, что, если эмпирические способы лечения базировались на длительном опыте и наблюдениях, передававшихся из поколения в поколение, и в основе своей содержали известное рациональное зерно, то религиозно-магические приемы, основанные на суевериях и осуществлявшиеся невежественными знахарями, приносили огромный вред здоровью населения и культивировали в его сознании религиозные предрассудки как связанные с исламом, так и восходящие еще к доисламским верованиям. В работе, сказала К. Л. Задыхина, ярко освещена реакционная сущность знахарства, корыстолюбие и вымогательство знахарей и необходимость упорной борьбы с пережитками знахарства, еще кое-где сохраняющимися в быту киргизов. Ярко показана также роль советской медицины и широкое развертывание сети здравоохранения в Киргизской ССР, в корне подрывающей остатки влияния знахарей на отсталую часть киргизских колхозников. Автор пытается проследить различные культурные влияния на киргизскую народную медицину со стороны других народов, в частности, со стороны русских, однако эта тема не раскрыта им с достаточной полнотой. Недостаточно выявлены автором и самобытные черты киргизской народной медицины. Говоря о развитии киргизской народной медицины от древнейших времен до начала XX в., автор опустил средние века, ознаменовавшиеся в Средней Азии работой крупнейшего ученого и врача средневековья — Авиценны, который не мог не оказать влияния на народную медицину киргизов. Рассматривая представления киргизской народной медицины о конституции человека, о «горячем» и «холодном» началах в нем, диссертант не прослеживает корней этих представлений в философии древних народов. Даваемая диссертантом клас-

сификация болезней, отметил проф. В. В. Гинзбург, не соответствует принятой в научной медицине, но в большой степени зависит от представлений народной медицины о характере заболеваний. Диссертанту следовало бы подчинить народную классификацию научной. Эти и другие указанные оппонентами недостатки снижают, по их мнению, качество работы Г. Г. Нурова, но в целом она представляет значительный интерес не только для этнографии, но и для истории медицины и весьма актуальна.

На диссертацию Г. Г. Нурова было получено свыше двух десятков отзывов. В большинстве из них дается положительная оценка диссертации, рекомендуется присвоить диссертанту искомую степень и не имеется замечаний. Ряд отзывов, как, например, отзывы заведующего кафедрой философии Кыргызского гос. университета тов. Джунусова, заслуженного деятеля науки проф. Российского, профессора фармакологии А. Гаммерман, также содержит положительную оценку диссертации в целом, но вместе с тем и некоторые критические замечания. Проф. Российский отметил, что в работе недостаточно показаны те изменения, которым подверглась кыргызская народная медицина за длительное время ее существования. Автору следовало бы также более подробно остановиться на широко распространенном у кыргызов лечении травами. Вместе с тем проф. Российский подчеркнул, что «работа т. Нурова, основанная не только на архивных и литературных материалах, но и на личном знакомстве с жизнью и бытом кыргызского народа, является наиболее полным до настоящего времени, оригинальным исследованием народной медицины кыргызов... Работа эта представляет собой ценное исследование... и с медицинской точки зрения может быть допущена к защите в качестве кандидатской диссертации». Отрицательный отзыв о диссертации принадлежит заместителю председателя Президиума Кыргызского филиала АН СССР т. Алтымышбаеву, который указал на ряд имеющихся в ней частных погрешностей. Выступивший в диспуте доктор историч. наук П. И. Кушнер подчеркнул, что с его точки зрения эти погрешности, подобные которым всегда можно найти у любого молодого автора, не могут считаться показателем недостаточной научной подготовки Г. Г. Нурова. Он выполнил ценную работу, которая заслуживает опубликования. Вместе с тем П. И. Кушнер отметил, что один из тезисов диссертации — о самобытности кыргызской народной медицины — остался недоказанным: подавляющее большинство описанных диссертантом приемов существует и у других народов Средней Азии. Диссертанту следовало бы, во-первых, озаглавить свою работу «Народная медицина у кыргызов», во-вторых, уделить большее внимание тем способам и приемам, врачевания, которые специфичны для кыргызов и не встречаются у других народов.

Ценность представленной работы подчеркнул и выступивший в прениях В. А. Юмин. Он выразил свое удовлетворение тем, что Институт этнографии поставил на обсуждение диссертацию на данную тему, которой медицинские институты не занимаются, хотя она и значится в их программах. Диссертант, будучи по специальности историком и защищая диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, естественно, не затронул ряда вопросов чисто медицинского характера, и этого нельзя ставить ему в вину. Диссертанту следует учесть замечания оппонентов при подготовке своей работы к печати, чего она бесспорно заслуживает.

Доктор биологич. наук проф. Г. Ф. Дебеч также дал положительную оценку диссертации Г. Г. Нурова. Диссертант показал, что он вполне владеет техникой сбора этнографического материала, умеет систематизировать его и изложить, как того требует диссертационная работа. Он сумел найти место собранным материалам и сделанным на основании их анализа выводам в общей системе наук и в данной науке, в частности. Можно спорить о методике систематизации материала — следовать ли классификации, принятой в научной медицине, или тем воззрениям, которые существовали в народе, но и то, и другое вполне приемлемо. Собранный диссертантом материал и сделанные выводы имеют значение для истории медицины в целом, для борьбы с вредными пережитками народной медицины, с одной стороны, и для использования ее положительных данных научной медициной, — с другой. Все это, заключил проф. Дебеч, дает бесспорные основания присвоить диссертанту искомую степень.

Г. Г. Нурову присуждена степень кандидата исторических наук.

О. Корбе